

ЗИГМУНД
ФРЕЙД

Тотем и табу

Санкт-Петербург

УДК 159.9
ББК 88.1
Ф 86

Перевод с немецкого, статья и примечания
Рудольфа Додельцева

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

- © Р. Ф. Додельцев, перевод, статья,
примечания, 2015
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2015
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-10137-1

Психотерапевт в роли культуролога и социопсихолога

У читателя, скорее всего, может возникнуть вопрос: по какой нужде врач-психотерапевт, имеющий дело исключительно с отдельными невротиками, вторгается в весьма далекие от его основных занятий сферы первобытной культуры и массовой психологии? Ответ дает сам Фрейд, писавший в конце жизни, что никогда не чувствовал себя настоящим врачом, а со временем его «интерес вернулся, минуя естествознание, медицину и психотерапию, к проблемам, когда-то привлекавшим начавшего размышлять юношу»¹.

Кроме того, заботясь, подобно хорошему отцу, о судьбе своего главного детища — психоанализа, он старался усилить его популярность, совершая экскурсии в приграничные области науки или создавая труды, рассчитанные на широкую публику. Были и более конкретные причины, — скажем, по собственным словам венского психолога, к написанию «Тотема и табу» его подвиг К. Г. Юнг, указавший на далекоидущие параллели между психологической деятельностью невротиков и первобытных народов. К исследованию массы Фрейда подтолкнули, видно, неожиданное озверение европейцев в ходе мировой войны и послевоенные массовые выступления.

¹ Freud S. Gesammelte Werke. L.-Frankfurt a. M., 1940–1968. Bd. XIV. S. 32.

В 1912 году Фрейд начинает писать книгу о древнейшей культуре, обложившись грудой толстенных книг; среди них «Психология народов» В. Вундта, «Золотая ветвь» Дж. Фрэзера и т. п. Впрочем, из них он черпал только фактический материал, который обрабатывал с помощью собственных гипотез, что оборачивалось, как правило, оригинальными и порой весьма неожиданными результатами. Именно по аналогии с известной психоанализу жизнью невротиков он судит о практически неизвестной ему жизнедеятельности древнейших людей. Правда, эта же аналогия навлекла на него упреки, что он представляет первобытных людей «толпой одичавших невротиков», а последних — дикарями, живущими среди нас.

Книга состоит из четырех отдельно публиковавшихся статей. Первая начинается с довольно удивительного факта: один из самых отсталых народов мира — австралийские аборигены серьезно ограничивали свою половую жизнь: они с исключительной добросовестностью избегали кровосмесительных связей. Их сообщества управлялись системой тотемизма, в основе которого находилось почитание какого-либо животного, реже растения, считавшихся прародителем и покровителем племени. Соответственно, все его члены признавались родственниками и между ними категорически запрещались половые отношения, что привело к появлению одного из первых запретов культуры — экзогамии.

Что же породило запрещение совокупляться с женщинами тотемного клана, не являющимися кровными родственниками, а только коллегами по тотему? А стало быть, тотемная экзогамия включает реальный инцест лишь в качестве частного случая, и, значит, страх кровосмешения имеет к этому табу в лучшем случае отдаленное отношение.

Частью экзогамии являются обычаи «избегания», ограничивающие общение подрастающего мальчика с мате-

рю и сестрами. Подобные ограничения вполне объяснимы страхом инцеста, чего не скажешь о запрете на общение зятя с тещей. Поэтому венский психолог, не довольствуясь соображениями здравого смысла, прибегает для объяснения инцеста к использованию психоанализа. Истоки страха кровосмешения восходят, согласно Фрейд, к переживаниям детства, когда первым сексуальным объектом мальчика становится мать, а девочки — отец. В норме из-за боязни наказания за кровосмесительное желание дети от таких объектов отказываются. У невротиков же эти стремления сохраняются, становясь ядром их невроза. У дикарей, которые подобны невротикам, к сходным переживаниям добавляется острое восприятие угрозы, затаившееся в такого рода влечении, и они принимают против него самые строгие меры, даже с некоторым перебором.

Во второй статье Фрейд разгадывает тайну действенности табу, не имеющих ни религиозного, ни морально-го обоснования. Он начинает с указания на двоякий смысл полинезийского слова «табу», означающего «святой», «почитаемый» и одновременно «нечистый», «опасный». По его мнению, запретные объекты вызывают у первобытных людей противоположные чувства: с одной стороны, они вожделенны для бессознания, с другой — вызывают сильный страх, способный при нарушении запрета привести к смерти. А поскольку страх действует сильнее удовольствия, то система табу — древнейший неписанный кодекс — оказывается весьма эффективной.

Сами дикари объясняют действие табу тем, что их объекты обладают демонической энергией, способной нанести им серьезный вред. Но, как полагает психоаналитик, такая осознанная вера требует более глубокого осмысления: ее причины нужно искать в бессознательной части психики. И тут он снова обращается к уже использованной аналогии: для него табу древних людей сходны с запретами, налагаемыми на себя больными неврозами навязчивости. В основе и тех и других лежит вытесненное

в бессознание, а потому неосознаваемое влечение к совершению запретного действия и осознанный страх перед нарушением запрета.

Для подтверждения наличия такого амбивалентного основания Фрейд анализирует три табу — отношение дикарей к врачам, к правителям и к мертвецам. После убийства врага, казалось бы, жестокие и бессердечные победители налагают на себя серьезные ограничения и совершают покаянные действия. И опять психоаналитика не устраивает объяснение, что причина этого — в суеверном страхе перед мстостью души убиенного. Он опускается в глубины психики древних людей, где заключены не только врожденные жестокие чувства к врагам, но и раскаяние, угрызания совести, словно дикари следовали заповеди «не убий», положительная оценка врага, жалость к нему и т. п. Похожая амбивалентность скрыта в отношении первобытных людей к своим королям и жрецам. Ими управляет два принципа: вождей и других важных персон необходимо опасаться из-за их магической силы и одновременно оберегать из-за их значения для племени в целом. Властителем предоставляется значительная свобода, и в то же время на них налагаются более серьезные, чем на других соплеменников, тяготы. Их положение связано с амбивалентной направленностью чувств дикарей: они их осознанно почитают, даже обоготворяют, чему противится мощная бессознательная враждебность. Нечто подобное у Сервантеса испытал Санчо Панса во время пребывания губернатором.

Особенно строго соблюдают табу мертвецов. И опять Фрейд не ограничивается объяснением, что дело в опасении мести со стороны душ покойников. Ведь непонятно, почему умершие дорогие родственники могут угрожать живым? И снова он объясняет: источник табу — амбивалентность переживаний; оставшиеся в живых не только любили покойников, заботились о них, но и могли проявить небрежение при уходе, за что «навязчиво» корили себя, желание прекращения своих хлопот и т. п.

От своего неосознанного чувства враждебности к мертвецам родственники освобождаются с помощью *проекции*, которая приписывает враждебность покойникам, что и объясняет боязнь их со стороны живых. Кроме того, механизм проекции — перенесение своих внутренних чувств и состояний на внешние объекты — используется первобытными людьми для выработки мировоззрения.

В жизни этих людей происходят и другие перемены, имеющие важное для них значение. В частности, амбивалентное отношение к покойникам вылилось не только в страх перед их душами, но и в почитание предков. У дикарей, кроме того, амбивалентность чувств гораздо выше, чем у современных людей. Наконец, закрепление табу приводит к появлению древнейшей формы совести — внутреннего ощущения недопустимости некоторых желаний.

Третья часть книги посвящена анализу верований дикарей, а тем самым и истоков первобытной религии и мировоззрения вообще.

По Фрейду, первая форма мировоззрения — анимизм, вера в существование душ, к которой привели наблюдение над состоянием сна и смерти, желание объяснить их, а главное, освободиться от страха перед собственной кончиной. Он решает и более фундаментальную задачу, становится стержнем понимания мира в целом с помощью проекции — приписывания предметам и силам внешнего мира собственных внутренних свойств. Как и дети, древние люди судят о неизвестных внешних явлениях «по себе», по собственным, знакомым им психическим свойствам.

Такое мировоззрение не только удовлетворяло любознательность древних людей, но и создавало у них видимость овладения объектами природы, животными, другими людьми с помощью техники магии и колдовства. Первая, как полагает Фрейд, основана на ошибочном мнении дикарей, что нет принципиальной разницы между их внутренним и внешним миром, а власть, которая у них

есть над первым, распространяется и на второй. Их убеждение в возможностях магии проистекало из переоценки собственных желаний, что, кроме них, свойственно детям и невротикам. Из этого следовала чрезмерная оценка возможностей психических процессов вообще, или, по выражению венца, *«вера во всевластие мыслей»*.

Затем основоположник психоанализа несколько модифицирует известную схему развития мировоззрений О. Кента. На стадии анимизма, полагает он, человек приписывает все могущество себе, на религиозной — уступает богам, но сохраняет за собой возможность управлять богами, на научной — во многом подчиняет себе естественные законы, но сохраняет доверие к могуществу человеческого духа.

Эту модификацию он дополняет рассмотрением параллели между стадиями мировоззрения и этапами развития индивидуального либидо. Анемизму в этом случае соответствует нарциссизм, религиозному мировоззрению — этап выбора сексуального объекта, научному — переход от власти принципа удовольствия к преобладанию принципа реальности. В цивилизованном мире *«всевластие мыслей»* сохранилось только в сфере искусства, где художник может реализовать свои насущные желания с помощью образов фантазии.

Фрейд проводит и еще одну аналогию — между работой анимистического образа мышления и формированием сновидений. В обоих случаях существует два плана: *скрытый*, образованный, к примеру, неудовлетворенными желаниями сновидений, и *явный*, вспоминаемый после пробуждения. Второй образуется в результате *«вторичной обработки»*, придающей первому относительно связный вид и маскирующий исходный, порой весьма хаотичный, смысл. Соответственно, и в запретах анимизма есть два вида мотивации: явная — осознаваемая дикарями, и скрытая — описанная ранее, неосознанная эмоциональная амбивалентность.

В последней части книги основоположник психоанализа стремится свести все высказанные ранее соображения к единой гипотезе, признавая, правда, что подобное выведение сложных, обусловленных целым рядом причин социокультурных явлений из единственного начала является делом рискованным, а выявление и анализ их всех считает превосходящим возможности своей теории.

Ради намеченной цели он старается выяснить, откуда возникла вера дикарей в происхождение от животного-тотема и два главных запрета тотемизма: не убивать тотем и исключить половые сношения с членами тотема. Кажется бы, смысл первого очевиден: как можно умерщвлять своего предка и опекуна? Но в очередной раз Фрейда такая простота не устраивает, и он пытается обнаружить некие скрытые мотивы. Для этого он снова обращается к декларируемому им сходству древних людей с современными невротиками, только на этот раз последние представлены детьми, страдающими фобиями животных. Причины как этих, так и других неврозов психоанализ видит в эдиповом комплексе, наполненном амбивалентными переживаниями. При определенных обстоятельствах комплекс сосредотачивается на каком-нибудь животном и тем самым становится причиной фобии. Аналогичны чувства первобытных людей к животному-тотему, стало быть оно символизировало для них отца, а главные запреты тотемизма призваны препятствовать преступлениям Эдипа, убившего отца и взявшего в жены мать. Понимая, видимо, что такое предположение не блещет убедительностью, Фрейд пытается усилить его некоторыми идеями Ч. Дарвина и британского этнографа и историка религии У. Робертсона-Смита.

Учитывая образ жизни горилл, первый высказал догадку, что и древние люди жили поначалу небольшими ордами во главе с ревнивыми самцами, запрещающими половые отношения с самками орды всем другим муж-

чинам. Некоторые этнографы считали, что тем самым на практике была введена экзогамия. Но психоаналитик, связывающий ее с тотемизмом, считает тайну этой связи нераскрытой и с целью ее разгадки обращается к исследованию, проведенному вторым британцем. Празднества древних семитов, во время которых убивали тотемное животное, всем племенем поедали его и нарушали некоторые другие обычно действующие табу. На законный вопрос: что же подвигало этих людей на такое святотатство? — Робертсон-Смит вполне резонно отвечал: согласно бытующим еще и сегодня представлениям, совместная еда и питье символизируют укрепление чувства общности. Так что древняя трапеза усиливала сплоченность племени, а поглощение плоти священного животного соединяло участников трапезы со своим тотемом, и значит, торжественное пиршество обладало для древних семитов важным социальным смыслом — создавало священные узы между ними и их обожествляемым животным.

Опять Фрейд не желает ограничиться таким рационалистическим объяснением, он продолжает вглядываться в детали трапезы, пытаясь разгадать ее бессознательные мотивы.

И он обнаруживает у тотемистического праздника скрытую амбивалентность чувств: с одной стороны, это жестокое умерщвление тотема и съедение его, финальное веселье с дозволением ранее запретных удовольствий, с другой — наряды и танцы, напоминающие внешность и повадки тотемного животного, раскаяние в убийстве, оплакивание жертвы. И тут Фрейд напоминает, что тотем символизировал отца, в данном случае главаря орды, а затем проводит аналогию между событиями в ходе праздника и в жизни патриархальной орды.

В последней, как он предполагает, лишенные женщин сыновья объединились, убили и съели своего могучего отца, положив тем самым конец отцовской орде и царив-

шему там беспределу. После этого достопамятного подвига победители потратили много сил на борьбу за его место, но добиться успеха никому не удалось, а потому возникла новая организация племени — «братский союз», состоящий из равноправных членов, наложивших на себя первые табу, ставшие началом культуры, морали и религии. Этому способствовало удовлетворение ненависти к отцу и возрастание почитания его, что сплотило отцеубийц, они проявили также «запоздалое послушание» и добровольно отказались от запрещенных им женщин клана. Весьма оригинальный вывод — истоком первых культурных достижений стало древнее преступление.

У этого великого события были отдаленные последствия. Скажем, следующие за тотемизмом религии сохранили стремление освободиться от чувства вины за совершенное преступление (в христианстве — «первородного греха») и умиловить убитого отца, вознеся его на небесную высоту. Согласно Фрейду, люди создают бога по подобию отца.

В конце исследования великий психолог допускает некоторые сомнения в двух своих допущениях: в многотысячелетнем существовании чувства вины за отцеубийство у сменяющих поколений и в реальном совершении преступления, а не в «дурных мыслях» по его поводу. Но довольно быстро он развеивает, как ему представляется, подобные сомнения.

Мы намеревались всего лишь выявить внутреннюю логику непростого фрейдовского труда, поэтому ограничимся только его общей оценкой. Исследуемые в нем истоки культуры были и остаются за пределами строго научного изучения, они доступны (и то отчасти) только философскому и художественному осмысливанию. Это объясняет преобладание в сочинении умозрительных конструкций и признание автором своей книги «романом о незапамятных временах». Фрейдовское творение располагается на стыке клинического наблюдения, спеку-

лятивного мышления и художественного воображения, соотношение этих весьма разнородных компонентов еще предстоит выяснить. Но в любом случае такие известные исследователи первобытных народов, как Г. Рохейм, Б. Малиновский, М. Мид, Р. Бенедикт и др., неоднократно ссылались на этот труд, хотя и приходили к весьма отличному, чем психоаналитик, результатам.

* * *

О книге «Психология масс и анализ Я», которую он писал с февраля 1920 по март 1921 года, Фрейд, посылая ее, сообщает Р. Роллану: «Не то чтобы я считал эту работу особенно удачной, но она прокладывает дорогу от психоанализа индивида к пониманию общества» (письмо от 4 марта 1923 г.). И действительно, в ней он продолжает дело «Тотема и табу», вторгаясь в сферу социологии и политической психологии, но опираясь на подходы, уже использованные в исследовании зачатков культуры.

В начале он пытается обосновать право на такое вторжение. По мнению Фрейда, различие между индивидуальной психологией и социальной не так велико, как принято считать. Ведь первая не может пренебречь влиянием на индивида социального окружения, а вторая рассматривает последнего всегда в качестве члена какой-то социальной общности.

Собственные соображения Фрейд предваряет изложением основных идей французского социопсихолога Г. Лебона, которые, по его представлению, близки воззрениям психоанализа, ведь француз полагает, что сознание составляет только незначительную часть человеческой психики, что в «психически сплоченной массе» у людей стираются индивидуально приобретенные свойства и на первый план выходит одинаковое у всех «расовое бессознательное». В результате они утрачивают осознанную личность, их мысли и действия приобретают единое направление, индивид перестает быть самим собой, стано-

вится податливым внушению, безвольным автоматом и опускается на несколько ступенек по лестнице цивилизации. Массу же сплачивает ее гипноподобное воздействие на своих членов, она способна «зачаровывать» их, наделяя ранее несвойственными им количествами, мешая осознавать свои действия и резко понижая их интеллектуальный уровень. Поскольку масса в целом руководствуется почти исключительно своим бессознательным, она импульсивна, необузданна, легко возбудима, чрезвычайно податлива к внешнему воздействию, легковерна, крайне зависима от почти магического влияния слов. Масса авторитарна, не критична, невероятного для нее не существует, она не испытывает нужды в истине, питаясь преимущественно иллюзиями. Ей свойственно мыслить образами, не знакомы ни сомнения, ни неопределенность, она категорична и нетерпима, подобна послушному стаду, не способному жить без пастуха, уважает только силу, а доброту воспринимает как слабость.

Впрочем, масса склонна к крайностям, а под влиянием внушения в состоянии достичь высот самопожертвования, бескорыстия, терпения, преданности идее, так что, хотя ее интеллектуальные достижения ниже индивидуальных, ее нравственность может как намного превосходить, так и значительно уступать добродетелям участников, взятых порознь.

Из описания массы у Лебона Фрейд делает вывод о сходстве психических свойств массы с психикой первобытных людей, поскольку в обоих случаях существует амбивалентность чувств и идей. Такая же эмоциональная противоречивость свойственна детям и невротикам. Наконец, всем им присуща переоценка реальности психической — своих желаний, переживаний, фантазий, представлений и т. п. — в сравнении с объективной реальностью.

После обзора взглядов на массы англо-американского психолога Мак-Дугалла, выделившего, как и Лебон, их

аффективность, торможение мышления, основоположник психоанализа переходит к собственному исследованию психических сил, сбивающих индивидов в массу. Естественно, что для их понимания он использует свою теорию либидо — «энергии любви в платоновском смысле слова». Фрейд полагает, что в основе внушения, заражения, подчинения вождю лежат эротические привязанности, они-то и определяют основные психические свойства масс.

Свое предположение он намерен опробовать на двух высокоорганизованных, устойчивых, искусственных массах — на христианской Церкви и армии. Они сходно организованы: у той и другой есть глава (Христос у Церкви, полководец у армии), который, по убеждению их членов, любит каждого из них равной любовью; кроме того, все они эмоционально привязаны к своему вождю, что сплачивает их. Именно эти эмоциональные связи (с вождем и друг с другом) вызывают, согласно венцу, перемены в индивиде, оказавшемся в массе.

Подтверждение своей гипотезы Фрейд видит в возникновении паники в армии, причиной чему является утрата вождя или глубокое в нем разочарование. В этом случае масса чувствует себя беспомощной и крайне напуганной, это ведет к разрушению связей между ее участниками и, соответственно, к ее распаду. Труднее наблюдать панику в религиозной общине, хотя ясно, что утрата веры в божественность Христа привела бы к краху христианства. Суть же паники — в резком ослаблении либидиозной спаянности массы, из-за чего отдельные ее члены начинают заботиться только о себе и по этой причине значительно острее воспринимают опасность, которую в составе массы они вполне перетерпели бы.

Хотя и существуют массы без вождей, сплавляемые, скажем, какой-то абстрактной идеей, но они являются вторичными, в массе же с вождем осуществляется не действующее вне ее ограничение нарциссизма и отсутствует

амбивалентность чувств, свойственная другим эмоциональным привязанностям. Это подвигает Фрейда уточнить свою позицию: массу спланивают либидиозные связи особого рода.

Что же они собой представляют? Под этими связями Фрейд понимает самые ранние привязанности ребенка к другому человеку, образующие одну из предпосылок эдипова комплекса, а именно идентификацию маленького мальчика с отцом — он подражает ему, желает быть похожим на него, воспринимает его как свой идеал. Это уподобление складывается до выбора сексуального объекта и потому лишено либидиозной окраски и амбивалентности чувств. Благодаря отождествлению с объектом привязанности некоторые его свойства и требования интроецируются (становятся частью внутреннего мира) в Я индивида, где запреты с его стороны конденсируются в первые компоненты совести, а некоторые его свойства становятся Идеалом Я — тем, кем ребенок желает стать. Вместе же они образуют новую инстанцию личности — Сверх-Я. Последнее способно, используя чувства вины и самоуважения, укрощать себялюбие людей, благодаря идентификации с вождем обеспечивает действие в массе механизмов внушения, подражания и заражения, наконец, в результате появления все новых идентификаций становится важным средством формирования личности и ее совершенствования.

Сравнив ранее отношение членов массы с влюбленностью, Фрейд теперь более тщательно анализирует это состояние. По его мнению, в многообразии его форм имеет место завышенная оценка объекта привязанности, или его «идеализация». Такая переоценка — результат сдвига первичной самовлюбленности на этот объект. В итоге последний становится как бы заменой Идеала Я, а поэтому ранее возникшее Я становится менее требовательным и более скромным в отношении его, что приводит к ослаблению его критики, к принятию всего, что тот делает или

требует, несомненно истинным и безупречным. Упомянутая идеализация определяет отношения членов массы к своему вождю.

Дополнительный свет на отношение массы с вождем проливает сравнение влюбленности с гипнозом, ведь в обоих случаях имеют место уступчивость, некритичность, внушаемость и пассивность. По мнению Фрейда, гипноз — это безмерная влюбленность без потребности в сексуальном удовлетворении, он подобен отношению «омассовленных» индивидов к своему вождю, что объясняет магическую силу его воздействия на них. Из этого следует вывод: массу образует некоторое количество людей, сделавших своим Идеалом один и тот же объект — вождя, что позволяет им идентифицировать себя не только с ним, но и друг с другом, а также воспринимать своего предводителя подобно гипнотизеру.

Объяснив ряд свойств членов массы, Фрейд обращается к исследованию свойств, оставшихся непонятными: резкое понижение их интеллекта, безудержность их аффектов и т. п. Такая регрессия психики станет понятной, считает Фрейд, если учитывать не только роль вождя на массу, но и влияние ее участников друг на друга.

На этот раз Фрейд обращается к содействию британского социолога В. Троттера, объясняющего многие свойства массы «стадным инстинктом» — склонностью людей объединяться во все более крупные сообщества, чьим требованиям индивид вынужден следовать из-за угрозы отторжения.

Для британца этот инстинкт врожден, психоаналитик же считает его приобретенным: чувство общности (массы), полагает он, появляется у детей с рождением братьев и сестер и укрепляется в школе. В ходе его развития у них возникает требование справедливости — равного отношения к себе и к другим со стороны родителей или учителей. В результате первоначальное чувство ревности и даже враждебности к другим детям сменяется чувством

общности — переживанием равной любви со стороны первых или вторых. Такое же положение, продолжает Фрейд, можно наблюдать в толпе поклонниц популярного исполнителя или актера: они были бы готовы ревновать друг друга или даже жестко конфликтовать, но из-за невозможности единолично владеть объектом поклонения они от этого отказываются и совместно обоготворяют своего кумира, готовые сотрудничать друг с другом. Так что развитое «стадное чувство» объясняет упомянутое требование равной любви со стороны вождя.

Для объяснения умственной деградации «омассовленного» индивида Фрейд обращается к уже использованной в «Тотеме и табу» гипотезе Дарвина о патриархальной орде, у членов которой отсутствовала сознательная обособленность, в психике доминировала аффективность, склонность к немедленному удовлетворению возникших желаний и т. д. Так что такая орда очень похожа на массу во главе с вождем, а стало быть, утверждает Фрейд, последняя — это ожившая первобытная орда, в которой рядом с рядовыми «ордынцами» находились вожди, осознавшие себя личностями. Со временем к ним присоединялись создатели мифов, занимавшие место вождя-отца в фантазии. Таким образом, одним из источников индивидуальной психики Фрейд объявляет искусство.

Далее, сохранение части индивидуальности в организованной массе и почти полное ее исчезновение в толпе психоаналитик объясняет тем, что в последнем случае человек отказывается от личного Идеала Я в пользу идеала массы, каковым является ее вождь. То есть характер устройства массы зависит от соотношения в психике ее участников Я и Идеала Я, а этим делается важный шаг к выделению в психике новой инстанции — Сверх-Я, что будет осуществлено в «Я и Оно» (1922).

В конце книги Фрейд останавливается на двух, ранее только намеченных проблемах. Во-первых, в армии идентификация с полководцем еще хоть как-то представи-

ма, но она полностью исключена в христианской общине: верующий может уподобить себя Христу разве только в Его способности любить всех людей. Во-вторых, по поводу роли прямых и отклонившихся от сексуальных целей влечений он заявляет: ни в Церкви, ни в армии нет места для женщин в качестве сексуальных объектов, поскольку прямые сексуальные связи могут серьезно повредить сплоченности массы.

Своим исследованием психологии масс Фрейд как бы предварил эпоху «восстания масс», когда Гитлер, Сталин, Муссолини, Франко и другие стали праотцами масс, их вождями и идеалами. Невзирая на жестокость и деспотизм, этих правителей окружали богоподобное почитание, восхищение, некритичная поддержка любых их действий, и подобный «вождизм» не сходит с исторической арены до сего дня.

Р. Ф. Додельцев

Тотем и табу

*Некоторое сходство психики дикарей
и невротиков*

Фрейд З.

Ф 86 Тотем и табу / Зигмунд Фрейд ; пер. с нем. Р. Ф. Додельцева. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. — 320 с. — (Азбука-классика. Non-Fiction).

ISBN 978-5-389-10137-1

«Тотем и табу» — одна из наиболее значительных работ Зигмунда Фрейда. В этом масштабном и оригинальном исследовании, до сих пор считающемся классикой психоанализа, Фрейд, опираясь на выводы своих психоаналитических теорий, обращается к теме генезиса человеческого общества, культуры и цивилизации и излагает теорию возникновения моральных, религиозных и правовых норм. В настоящем издании представлена также работа «Психология масс и анализ „Я“», в которой положения психоанализа впервые использованы Фрейдом для объяснения социальных явлений. Оба текста публикуются в новом, современном переводе и снабжены подробным комментарием.

УДК 159.9

ББК 88.1

Литературно-художественное издание

ЗИГМУНД ФРЕЙД
ТОТЕМ И ТАБУ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ольги Варламовой
Корректоры Ирина Киселева, Светлана Федорова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 13.02.2023. Формат издания 76 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 14,1.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

Y-NFA-18164-07-R